

Определение переводного характера произведения

Исследователь, открываяший новый памятник, должен прежде всего определить: переводный это памятник или оригинальный. Первое, на что он должен обратить внимание, — это на содержание памятника. Если произведение в основной своей части опирается на русский материал и не принадлежит к числу переводов произведений иноземцев о России, — это памятник оригинальный. Но если памятник посвящен одному из событий мировой истории, описанию иноземных местностей, богословскому вопросу, не имеющему связей с русской действительностью и т. д., — это, конечно, не обязательно памятник переводный, однако он может быть переводным.

Одно время историки древней русской литературы склонны были подозревать перевод почти в каждом памятнике, если он не имел отношения к русской действительности. Это, конечно, неверно, однако исследователь обязан все же проверить, не является ли этот памятник переводным. Этому служат в первую очередь библиографии и справочники по иностранным литературам. Если не удалось найти аналогичного по содержанию памятника, это не значит, что его не было. Надо искать признаки перевода в самом тексте.

Основное, однако, на что следует обращать внимание для определения того, переводное ли перед нами произведение или оригинальное, если нет других указаний в самом тексте, — это язык. Перевод могут выдать отдельные синтаксические обороты, которые могут быть объяснены языком оригинала¹, оставшиеся не переведенными отдельные слова, характер написания имен и названий и специфические ошибки, проискающие из того, что переводчик не понял языка оригинала.

Известен спор по поводу того, с какого языка была переведена на древнерусский язык «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Исследователи этого текста Беренкс и Эйслер² предполагают, что перевод был сделан с арамейского. Русские исследователи считают, что с греческого. Довольно многое вполне убедительных соображений на этот счет приводит в своем исследовании «Истории Иудейской войны» Н. А. Мещерский. Приведу его соображения: «...в отдельных случаях переводчик... оставлял без перевода от-

¹ Н. А. Мещерский. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений. — В кн.: Теория и критика перевода. Л., 1962.

² A. Berendts. Die Zeugnisse vom Christentum im slavischen «De bello judaico» des Josephus. Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Hrsg. von O. Gebhardt und A. Harnack. Bd XIV. Leipzig, 1906; R. Eisler. ΙΗΣΟΥΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΟΥ ΒΑΖΙΛΕΥΣΑΣ. Die messianische Unabhängigkeitsbewegung vom Auftreten Johannes des Täufers bis zum Untergang Jakobs des Gerechten nach der neuerschlossenen Eroberung von Jerusalem des Flavius Josephus und den christlichen Quellen dargestellt von Robert Eisler. I. Heidelberg, 1929; II. 1930.

дельные греческие слова. Так, в кн. II, гл. XVI, ч. 4 греческое выражение *μόνοι δύμεῖς ἀδοξεῖτε δοὐλεύειν οἵς ύποτέκται τὰ πάντα* (одни только вы считаете стыдом быть подвластным тем, кому подчиняются все) передано такими словами: “и единими же адоксите стражем, им же покоряшеся всяческая”. Здесь греческое *ἀδοξεῖτε*, т. е. форма 2-го лица множественного числа изъявительного наклонения настоящего времени, передано буквально непонятным для читателя словом “адоксите”, что свидетельствует о наличии у переводчика именно традиционного греческого текста¹.

Приведу некоторые другие примеры из того же исследования Н. А. Мещерского.

«В кн. IV, гл. X, ч. 12 повествуется об использовании в момент междоусобной борьбы в Иерусалиме зилотами и сикариями различного рода укреплений. Между прочим в греческом тексте сказано: *ὁ δὲ λοιπὸς ὑπὲρ τὴν κορυφὴν κατασκευάσετο τῆς παστοφορίων* (последняя башня была сделана над верхними помещениями), в древнерусском: “да бес страха биутся с ними с верху постофорья”. Далее тот же рассказ продолжается с указанием на обычай еврейских священников с этого места оповещать людей трубным звуком (*σάλπιγγι δείλης*) о наступлении субботы, в древнерусском тексте стоит: “иде же един от иереи, стоя по обычаю, трубяше салпиньски...”. Завесу в храме греческий текст описывает так: *πρὸ δὲ τούτων ἰσομήκτης καταπέτασμα πέπλος ἦν βαβυλώνιος ποικιλίως ἐξ ὄακινδου καὶ βύσσου, κόκκου τὲ καὶ πορφύρας* (перед теми свешивалась завеса, одинаковая в ширину и длину, из вавилонской ткани, пестро сплетенной из гиацинта, виссона, шарлаха и пурпур), в древнерусском этому точно соответствует: “перед теми же висяще катапетазма, равна широтою и долготою, яж бе паволока вавилонска, устроена уакинфом, и усом, и коком и перфиrom” (кн. V, гл. V, ч. 4). В кн. IV (гл. IX, ч. 8) повествуется об окружении сикариями под предводительством Симона иерусалимских зилотов. В греческом тексте говорится, что Симон отсекал руки и носы у тех стариков и женщин, которые выходили за городские стены, чтобы собирать траву *λαχανείας* или дрова. После этого он отправлял их обратно в город для устрашения жителей. Древнерусский переводчик передает разбираемое место следующим образом: “елико вынидоша лахан собрати или древ, старии, или жены, или немощнии, сеча и руки их, и носы, пущаше в град”. Далее, при описании триумфального шествия Веспасиана и Тита в Риме (кн. VII, гл. V, ч. 4) говорится, что при этом воины стояли без оружия в шелковой одежде и в лавровых венках (*κάκείνου χωρὶς ὅπλων ἦν ἐσ τῷ σπρικᾶς ἐστεφανομένοι δάφναις*). В древнерусском тексте этому соответствует: “стояху ж без оружия в ризах багряных (бебряных) венчани дафны”. Кроме разобранных случаев оставления без перевода греческих слов, можно указать еще на грецизмы, сохраненные древнерусским текстом в точном соответствии с общеприятым греческим: валъсолом, валсам (*βάλσαμον*);

¹ Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. С. 69.

вусиньский (βύσσινος — вишневый); дисын (πρὸς δύσιν — к западу); илиськ (ἡλύσιος — райский); камил (κάμηλος); касия (κασσία — гроб); кедрън (κέδρινος); кинамон (κινναμόνον — корица); комит (κομῆτης — волосатый); купро (κύπρον); мировалн (μυροβάλανος); оникс (օնυξ — коготь, ноготь) и др.»¹.

Языковые кальки (буквальные «снимки» с иностранных слов, сохраняющие морфологическую структуру этого иностранного слова) могут быть также показателями перевода, если они, правда, не вошли в русский язык и не стали в нем обычными. Н. А. Мещерский отмечает следующие кальки с греческого в древнерусском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: второнейство (греч. τὸ δευτερεύειν — роль второго сына), веледушьни (μεγαλόψυχοι), грамотоносцы (γραμματοφόρος), древонесение (ξυλοφορία), градовъзимание (πολιορκία), конеристание (ιππόβροιον), полобог (ἡμίδεος), языкордъжьць (ἔδναρχος) и др.²

Близко к калькам стоят и буквальные переводы иностранных имен и географических названий: тавры (обитатели Крыма) — «быков род», имя Панихida — «Всеночная» и пр.³ А. В. Горский определил, что «Наказание святого Илариона к отрекшимся от мира» (или иначе «Послание к брату столпнику») есть произведение переводное, на основании слов «иго мое помазано» вместо «иго мое благо», что может быть объяснено только тем, что переводчик смешал χριστός и χρηστός⁴.

Перевод с греческого ясно чувствуется в некоторых местах договоров русских с греками. Так, в договоре Олега 911 г. имеется следующее место: «Аще кто от хрестьян или от Руси мученья образом искус творити, и насильем яве возметь что любо дружне, да въспятить троиче». В тексте этом неясно выражение «искус творити». И. И. Срезневский (в «Материалах для Словаря древнерусского языка») сопоставляет значение «искус» с греческими πεῖρα, πείραμα, πείρασις — искушение, испытание, покушение, разбой, откуда получили свое название и разбойники — «пиары». По-видимому, «искус творити» означает «разбойничать», «отнимать силою», «грабить».

В договоре 911 г. Олега с греками в слова «межи нами бывающего мира» вкраилась ошибка: вместо «нами» во всех списках читается «вами». Происхождение этой ошибки связано с обычаем заключать договоры между греками и иноверными народами. Исследователи договоров русских с греками, исходя из описания хода переговоров между Византией и Персией, сделанного византийцем Менандром, следующим образом описывают процедуру заключения мирных договоров Византией. Обычно изготавлялись два

¹ Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. С. 70–71.

² Там же. С. 72.

³ Там же.

⁴ В Остромировом евангелии «иго мое благо». Литературу вопроса об этом произведении см.: Н. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (Х–XI вв.). СПб., 1906. С. 91 и сл.

экземпляра договора — на греческом языке и на языке того народа, с которым договор заключался. Первоначально изготавлялся греческий экземпляр грамоты, который затем переводился на язык договаривающегося с Византией народа. В переводе изменялась и внешняя форма договора: греческая грамота составлялась от лица императора, перевод же составлялся от имени главы договаривающегося народа и его подданных. Соответственно менялись и местоимения и глагольные формы («мы», «наш» — «вы», «ваш» и т. д.). В приведенном нами выше примере эта перемена местоимений сделана чисто механически — в результате общей мены личных местоимений при изготовлении второй хартии, хотя совершенно ясно, что по смыслу «нами» должно было здесь быть оставлено и не заменяться через «вами», поскольку мир — общее дело и греков и русских.

Переводом с греческого объясняется и заглавие договора Олега с греками 911 г. «Равно другого свещания...» Так же озаглавлен и договор Игоря 945 г. Н. А. Лавровский в своем исследовании «О византийском элементе в языке договоров русских с греками»¹ объяснил, что «равно» — это неудачный перевод греческого технического термина *τὸ ἴσον*, означающего копию, список, а также вообще экземпляр (ср., например, употребление слова *τὸ ἴσον* в заглавии дарственной Алексея Комнина, и т. п.). Именно копии договоров русских с греками и получил, очевидно, летописец в свое распоряжение. Как доказал акад. С. П. Обнорский, эти договоры достались летописцу в переводах, современных самим переговорам². Переводы эти, как видим, были не совсем точными.

«Но что такое “другого свещания”? — спрашивает А. А. Шахматов. — Н. А. Лавровский понимал это, как “другая договорная грамота”; следовательно, все выражение означало “список с другой договорной грамоты”; по-гречески было поэтому *τὸ ἴσον τοῦ ἑτέρου σύμβολαίου*; ср. такое же объяснение у И. И. Срезневского («Славяно-русская палеография», 97). Неясным, однако, представляется, что такое *ἑτέρου σύμβολαίου*, другое совещание. Считаю более правильным предположение, из которого исходил тот же И. И. Срезневский, когда в “Материалах для словаря древнерусского языка” толковал слово “другой” в заглавиях всех трех договоров, как дружественный, *ἑταῖρος, ἑταῖρεῖος, φίλος*; итак наши договоры назывались дружественными совещаниями, *ἑταῖρον* (*ἑταῖρεῖον, ἑταῖρικὸν*) *σύμβόλαιον*. Славянский переводчик вместо *ἑταῖρον* (*ἑταῖρεῖον, ἑταῖρικόν*) прочел *ἑτέρον*, тождественное по произношению с *ἑταῖρον*, и передал это через “другааго”»³. Такой перевод породил неправильное понимание заглавия договоров у летописца. Он понимал их так: «согласно с другим (предшествующим) догово-

¹ Н. А. Лавровский. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853.

² С. П. Обнорский. О языке договоров русских с греками. — В кн.: Язык и мышление, т. VI—VII. Л., 1936. С. 102.

³ А. А. Шахматов. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. — Записки Неофилологического общества, вып. VIII, отд. отт., 1914. С. 5—6.

ром». Поэтому-то летописец и решил, по вероятной догадке А. А. Шахматова, что перед договором 911 г. был еще один договор. Он восстановил его предположительно и поместил под 907 г. Что же касается до слов «бывшаго при», то Н. А. Лавровский предполагает более правильный перевод: «находящейся (*γινομένου*, а не *γενομένου*) у (*πρός*)».

Остатки языка оригинала особенно часты в собственных именах и в географических названиях. Так, например, А. И. Соболевский предполагает, что «Космография» Ортелиуса переведена не с латинского, а с польского, хотя польские переводы ее были А. И. Соболевскому неизвестны. Основание к тому — польские географические названия: Сакская земля, Сляская земля (Силезия), Ракуская земля (Австрия)¹.

Указания на язык оригинала могут быть извлечены из ошибок перевода, вызванных специфическими для алфавита языка оригинала смешениями букв. Так, например, А. Д. Григорьев высказал в свое время предположение, что «Повесть об Акире Премудром» переведена на древнерусский язык с сирийского². Предположение А. Д. Григорьева было подкреплено Н. А. Мещерским следующим соображением. Герой повести Синагрип назван в ней царем «Адорским и Наливским», т. е. царем Ассирии и Ниневии. «Это может быть объяснено только из особенностей сирийской палеографии (шрифт эстрагело), в которой буквы “нун” и “лямед” имеют сходное начертание и отличаются друг от друга только по длине основной вертикальной, полунаклонной влево черты»³.

Наличие латинизмов, полонизмов или греческим еще не решает вопроса о том, с какого языка был сделан перевод.

Исследуя язык переводного памятника неолатинской литературы «О причинах гибели царств», М. А. Салмина пишет: «Знакомство с текстом памятника обнаруживает в нем немалое количество слов и литературных оборотов, восходящих к польскому языку. Так, например: разумение — *rozumienie* — понимание; помста — *pomsta* — месть; прирожденные — *przyrodzony* — природные; жалость — *żołość* — горе; поехать до войска — к войску; с вины — от вины; заушничество — *zausznictwo* — наушничество, и др. Но так как эти выражения (за исключением последнего) характерны и для украинского языка, решать вопрос в пользу перевода с польского еще рано. Возможно, что не Польша, а Украина оказалась посредницей в передаче на Русь этого памятника неолатинской литературы; возможно, что сочинение прошло и двойной перевод — с польского на украинский, а затем с украинского на русский язык. Наконец, возможно, что интересующий нас

¹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 58—59.

² А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. М., 1913. Ср. также: Н. Н. Дурново. Материалы и исследования по старинной литературе. I. К истории повести об Акире. М., 1915.

³ Н. А. Мещерский. Искусство перевода Киевской Руси. — ТОДРЛ, т. XV. М.; Л., 1958. С. 58.

памятник — компиляция из различных переводных сочинений, сделанная уже на русской почве¹. Добавим от себя, что если последнее верно, то вопрос о том, с какого языка был сделан перевод, должен рассматриваться для каждого из источников компиляции отдельно.

При изучении языка литературных произведений надо иметь в виду, что грецизмы сами по себе еще вовсе не указывают на то, что перед нами переводный источник. Грецизмы могли явиться как результат простого желания автора выказать свою ученость. И дело здесь, конечно, не в сутиности древних книжников, а в том, что всякое литературное произведение, посвященное «высоким», церковным сюжетам, должно было быть написано книжным, «ученым», церковным языком. Поэтому различного рода искусственные формы широко влиались в произведения церковные по своей тематике. Так, например, перевод Географии Помпония Мелы, известный в двух списках — XVI и XVII в., заключает довольно много грецизмов: «аравесь», «вактри», «вретанийского», «Камвиск царь», «Кимон», «Кизик», «Селевкия», «кимери», «киринеи», «Асия», «Вифиния», «Фивеяне», «афинейский» и т. д. Однако перевод несомненно сделан с латинского. Переводчик знал греческий язык и ввел грецизмы в язык своего перевода от себя, для придания языку ученого характера².

Следовательно, обнаруживая грецизмы, не следует торопиться объяснять их тем, что перед нами произведение переводное.

Приведу другой пример. В распространенном житии князя Владимира I Святославича известный историк русской церкви, весьма скептически настроенный к древнерусской книжности вообще — Е. Е. Голубинский, хотел видеть перевод с греческого³. Это же мнение поддерживал А. Н. Попов⁴. Одним из оснований для А. Н. Попова было греческое слово «Ликофрос», встречающееся в этом житии как название холма Перуна, на котором Владимир построил церковь Василия. Однако С. П. Шестаков разъяснял, что «Ликофрос» представляет собой искажение греческих слов *λυκείου ὄρος* или *λυκείου ὄρος*. Такое искажение скорее изобличает наивное стремление к «учености», чем перевод⁵.

Грецизмы и греческие слова, написанные русскими буквами, встречаются не только в произведениях, о которых мы можем сомневаться — русские ли они или переводные, но и в явно русских по своему происхождению сочинениях — например, в летописях («аера достигше» — Ипатьевская лето-

¹ М. А. Салмина. «О причинах гибели царств», сочинение начала XVII в. — ТОДРЛ, т. Х. М.; Л., 1954. С. 334—335.

² А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. С. 52—53.

³ Е. Е. Голубинский. История Русской Церкви, т. I, ч. 1. Изд. 2-е. М., 1901. С. 134.

⁴ А. Н. Попов. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. С. 41.

⁵ С. П. Шестаков. К вопросу о месте крещения св. Владимира. — Изв. Общества археологии, истории и этнографии, Казань, 1908, т. XXIII. Вып. 5. С. 330.

пись под 1199 г. и «кириелейсон» и «кирълѣшь» — там же под 1146, 1151, 1249 гг., «газъфулакия» (*γαζοφυλάκιον* — сокровищное хранилище), там же под 1199 г., и др.). Встречаются греческие слова в «Житии Довмонта Псковского», «Чтении о Борисе и Глебе» Нестора и т. д.

В «Повести временных лет» под 971 г. имеется следующий текст: «Поиде Святослав ко граду, воюя и грады разбивая». Что это за «град», отличный от других «градов»? Дело в том, что греки часто называли Константинополь просто *πόλις*, как римляне Рим — *urbs*. Речь здесь идет о движении Святослава с его войском на Константинополь.

Другой пример. В той же «Повести временных лет» под 882 г. Олег, заняв Киев, говорит: «Се буди мати градом русьским». Слова Олега имеют не метафорический, а прямой и вполне точный смысл: Олег объявляет Киев столицей Русской земли. Ср. аналогичный термин в греческом: *μητρόπολις* — мать городов, метрополия, столица.

Надо, кроме того, иметь в виду, что иностранные слова и иностранные обороты речи, не являющиеся даже общеязыковыми заимствованиями, могут проникнуть в произведение через живое общение автора с иноземным населением. Так, например, автор древнерусской «Повести о взятии Царьграда фрягами в 1204 г.» был несомненным очевидцем событий и находился в живом общении не только с греческим населением Константинополя, но и с крестоносцами. Отсюда в его повести греческие названия зданий и местностей Константинополя (подрумье — ипподром, Вергетис — название монастыря *Ἐνεργετῆς*; Испигас — название ворот, ведущих в пригород Пиги — *εἰς Πήγας* и т. д.), названия военных судов и их частей (галея, скала, дромон, рая и пр.), западноевропейская форма имен и титулов руководителей крестоносного ополчения (Бонифаций, маркграф Монферратский назван «маркус» — от итальянского *marchio*, *marchiso*. Балдуин, граф Фландрский назван «Кондоф Офланъдр» или «Кондофларенд», т. е. *conto* (итальянское — «граф») и «of Flandern». Итальянский город Верона назван в немецкой форме Берн (*Berg*) и т. п.)¹.

Среди слов греческого происхождения, употребительных в церковных произведениях домонгольского периода и встречающихся в древнерусском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, Н. А. Мещерский отмечает: *аερ* (воздух), архинерей (первосвященник) и иерей (священник), акрида (сарапча), газофилакия (сокровищница), дискос (церковный сосуд), игемон (начальник), катапетазма (завеса), олакавтома (всесожжение), пентикостия (название праздника — пятидесятница), перфира (багряница), потир (чаша), скинопигия (название праздника кущей), родостома (розовая вода), теревинф (дуб), трапеза (стол), епистолия (послание) и др.² Кроме того, Н. А. Мещерский отмечает для того же периода слова греческого происхождения, заимствованные изустным путем и широко употреблявшиеся в

¹ См.: Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году. С. 130–131.

² Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. С. 72.

письменных произведениях: баня, гистерна (цистерна), калига, калижьницы (обувь), каторга (род судна), кация (кадильница), комара (пристройка), кубара (род судна), лентие (полотенце, пояс), лимень (гавань), митрополия, руга (дань), скомрах (скоморох), товар и т. п.¹

Определяя по языку переводный характер памятника, необходимо иметь в виду язык в сего памятника, а не отдельных его частей и не основываться на эпизодических материалах. В самом деле, если памятник имеет заимствования из других памятников, то иностранный оборот или ошибка переводчика могли проникнуть в памятник в составе этого заимствования и вовсе не свидетельствовать о переводном характере всего произведения в целом. Один из таких случаев приводит М. А. Салмина в заметке «“Ентинарий” в “Повести о зачале Москвы”»². В «Повести о зачале Москвы» имеется непонятное слово «ентинарий» в рассказе о закладке Капитолия в Риме. Рассказ этот заимствован в «Повести» из Русского хронографа, а в Русском хронографе он заимствован из славянского перевода Хроники Манассии. Во всех этих произведениях слово это звучит сходно: «ентинарий», «Енътинарие». Объяснение находим в греческом тексте Манассиевой Хроники, где слову этому соответствует греческое ἐν Τυρρηνοῖς (в Тиррении, т. е. в Этрурии).

В «Речи философа» в «Повести временных лет» упоминается какой-то город Ендань, которого не знают другие источники. Данное место заимствовано в «Речи философа» из перевода Хроники Амартола, в переводе же Хроники Амартола название этого города — плод ошибки. В греческом тексте Амартола читаем: ἐν Δόν, а в соответствующем месте Библии — «в Дане».

Грецизмы могут быть отмечены в языке перевода сочинения «О государстве» Модржевского³, сделанного с латинского⁴.

¹ Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. С. 72.

² ТОДРЛ, т. XV. С. 362–363.

³ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. С. 160.

⁴ При определении языка, с которого сделан перевод, помочь могут оказаться также следующие издания: А. И. Соболевский. Русские заимствованные слова. Литографированный курс. СПб., 1891; Я. К. Гром. Филологические разыскания, т. III. Слова, взятые из польского или через посредство польского. СПб., 1899; W. A. Christiani. Über das Eindringen von Fremdwörter in die Russische Schriftsprache des 17. und 18. Jahrhunderts. Berlin, 1906; Н. А. Смирнов. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого. — Сборник ОРЯС АН, т. 88, № 2. СПб., 1910; И. И. Огиенко. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915; В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. Изд. 2-е. М., 1938; Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Л., 1949; Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 4-е. Киев, 1953; В. В. Тамань. О польской лексике в языке русских памятников XVI и первой половины XVII вв. (автореф.). Л., 1953; Е. М. Иссерлин. Лексика русского литературного языка XVII в. М., 1961. — Мною названы лишь некоторые основные работы.